

Товарищ: нулевой уровень коммунизма

Джоди Дин

*Профессор колледжей Хобарта и Уильяма Смита,
факультет политических наук*

300 Pulteney Street, Geneva, NY, USA 14456

E-mail: JDEAN@hws.edu

Товарищ: нулевой уровень коммунизма

Аннотация

Отталкиваясь от романа «Чевенгур» Андрея Платонова, я предлагаю рассматривать фигуру товарища как нулевой, исходный уровень коммунизма (*zero-level of communism*).

Платоновские товарищи продолжают существовать в постреволюционном пространстве, где нет ни рабочих, ни классов, и где у тех, кто остался от старого порядка, нет ничего, кроме друг друга. Свойственное им состояние лишения, в котором существование каждого зависит от существования всех, — основа, на которой должен быть построен коммунизм. Товарищ представляет собой нулевой уровень коммунизма, так как это слово обозначает связь между теми, кто стоит по одну сторону баррикад в борьбе за новые, свободные, справедливые и равные общественные отношения, отношения без эксплуатации. Эта связь носит политический характер, она обостряет существующие противоречия. В то же время это тесная связь, сопряженная с ощущением отчаянной зависимости от другого, вызванной необходимостью продолжать борьбу. Я рассматриваю такое

понимание товарища на неочевидном примере Коммунистической Партии Соединенных Штатов Америки (КПСША). Хотя на первый взгляд она весьма далека от коммунистического проекта «Чевенгура», тем не менее работа КПСША была направлена на достижение «нулевого уровня», необходимого для коммунистического движения — товарищества между черными и белыми рабочими. В основу такого товарищества было положено представление о расизме как о состоянии лишения, поправить которое можно только за счет другого лишения. Расизм лишает рабочий класс солидарности. Солидарность требует, чтобы белые рабочие лишили себя своих привилегий, «зарплаты белого человека», если воспользоваться термином У. Э. Б. Дюбуа. Поэтому, посвятив себя борьбе за расовое равенство, КПСША некоторое время была занята формированием нулевого уровня товарищества. Если солидарность возможна, то только благодаря тому, что уничтожение белого превосходства позволяет товарищам начать все заново.

Ключевые слова

товарищ, раса, Коммунистическая партия, коммунизм, Платонов, солидарность

Фигура товарища является важнейшей для революционного наследия 1917 года. В качестве обращения слово «товарищ» в мировом социалистическом движении утвердилось уже в конце XIX века. Однако товарищ как фигура освобождения и равенства, означающая определенную принадлежность, получает свой заряд благодаря усилиям большевиков и ранним годам Советского эксперимента. Предметом моего интереса в данном эссе является не столько аффективное и этическое понимание товарища, сколько то, каким образом товарищ создает опорный уровень социальности, необходимой для коммунизма. Сначала я коротко рассмотрю идеал товарищества как способа чувственного восприятия, предложенный Александрой Коллонтай и Максимом Горьким, а затем обращусь к Андрею Платонову и его диалогическому описанию товарищей в «Чевенгуре». В отличие от романтической картины солидарных рабочих, собравшихся вместе на заводе и объединившихся против начальника, платоновские товарищи существуют в постреволюционном пространстве, где нет ни рабочих, ни классов, и где у тех, кто остался от старого по-

рядка, нет ничего, кроме друг друга. Переживаемое состояние лишения, в котором существование каждого зависит от существования всех, создает основу для строительства коммунизма. Чем больше, тем меньше: как только у кого-то появляется собственность, он начинает заботиться о ней, а не о своих товарищах. Далее я перейду к Коммунистической Партии (КП) Соединенных Штатов. Пытаясь организовать коммунистическое движение в США, КП выступила против идей белого превосходства и расизма, которые не только разделяли рабочий класс, но и пронизывали каждый аспект американского общества. Казалось бы, не имея ничего общего с коммунистическим проектом Чевенгура, работа КПСША, тем не менее, была направлена именно на создание нулевого уровня, необходимого для коммунистического движения: товарищества черных и белых рабочих. В основе этого товарищества лежало понимание расизма как условия лишения, которое необходимо было устранить посредством лишения. Расизм уничтожает солидарность в рабочем классе. Для солидарности необходимо, чтобы белые рабочие лишили себя привилегий белых, «зарплаты белого человека», если воспользоваться термином У. Э. Б. Дюбуа. Поэтому Партия некоторое время была сосредоточена на создании нулевого уровня товарищества, посвящая себя борьбе за расовое равенство. Если солидарность возможна, то только благодаря тому, что преодоление белого превосходства позволяет товарищам начать все заново.

Чувство принадлежности

В своих работах о проституции, сексе и семье Александра Коллонтай с первых лет большевистской революции представляет товарищество и солидарность как формы чувственности, необходимые для построения коммунистического общества. Она связывает товарищество с «чувством принадлежности», с отношением между свободными и равными коммунистическими рабочими (Коллонтай 1919а). Капиталистические условия еще не делают рабочих товарищами. Капитализм пытается разобщить их, превратить в конкурентов, свекорыстных и напуганных. При коммунизме все это исчезнет. «На месте эгоистической замкнутой семейной ячейки вырастает большая всемирная трудовая семья, где все трудящиеся, мужчины и женщины, станут прежде всего братьями и товарищами» (Коллонтай 1913: 23–24). «Товарищ» указывает на вид принадлежности, противоположный изоляции, иерархии и угнетению, которые свойственны буржуазным формам отношений, и особенно трудовым и семейным отношениям при капитализме. Товарищество характеризуется равенством, солидарностью и уважением; коллективность встает

на место эгоизма и самоутверждения. Хотя слово *товарищ* в русском языке — существительное мужского рода, его сила способна освободить от цепей грамматики. Советская книга о литературном языке, опубликованная в 1929 году, содержит пример выражения «товарищ сестра» — в русском языке оно звучит комично, однако в нем оживает новый язык и эмоции революции.¹

Для Коллонтай товарищество — это сердцевина пролетарской морали, ключ к «коренному перевоспитанию психики» при коммунизме. Товарищество порождает новые чувства, благодаря которым люди больше не ощущают себя неравными и вынужденными подчиняться. Теперь у них есть «свобода — вместо собственности, товарищество — вместо неравенства и подчинения» (Коллонтай 1919b: 60).

У Максима Горького есть рассказ, написанный в начале XX века и опубликованный на английском в 1906 году в *The Social Democrat*, — он называется просто «Товарищ». Рассказ посвящен жизнеотворяющей силе слова «товарищ». Горький определяет его как слово, которое «пришло объединить весь мир, поднять всех людей его на высоту свободы и связать их новыми узами, крепкими узами уважения друг к другу»² (Горький 1989: 385). В рассказе описывается жестокий, «угрюмый» город, город враждебности, насилия, унижения и злобы. В нем слабые подчиняются господству сильных. Посреди этого страдания и ничтожества вдруг раздается слово: товарищ! И люди перестают быть рабами. Они отказываются подчиняться. Они осознают свою силу. Они обретают самих себя как воплощение силы жизни.

Говоря «товарищ», люди меняют мир. Среди персонажей Горького — проститутка, которая чувствует руку на своем плече, оборачивается и плачет от радости, услышав слово «товарищ». Это слово призывает ее не как превративший себя в товар объект для чужого удовольствия, а как равного в общей борьбе против самих условий такого превращения в товар. Другие персонажи — нищий, извозчик, молодые военные; для всех «товарищ» сияет звездой, ведущей их к будущему.

Как и Коллонтай, Горький ассоциирует слово «товарищ» со свободой от рабства и угнетения, с равенством. Он точно так же описывает товарища как противоположность капиталистическому эгоизму, эксплуатации, иерархии, конкуренции и страданию. Как и Коллонтай, Горький связывает товарищество с борьбой за видение будущего, где все будут товарищами.

¹ Этим примером из книги Г. О. Винокура «Культура языка» (1929) я обязана Марии Чехонадских.

² Я признательна Алексею Пензину за то, что он обратил мое внимание на этот рассказ.

Радость и отвага, связанная со словом «товарищ», наводит на мысль, что его счастливая мощь поддается циничной идеологической манипуляции, и история знает тому примеры. И все же в «товарище» есть негативность, сопротивляющаяся такой манипуляции. «Товарищ» абстрагируется от предзаданных социальных позиций, чтобы установить политическое отношение между теми, кто объединяется в противостоянии системе угнетения. Освобождение от предзаданного делает возможной новый вид отношений между равными, занимающими одну сторону в борьбе. Негативность «товарища» раскрывается в «Чевенгуре» Андрея Платонова.

Наслаждаться друг другом

В законченном в 1928 году романе «Чевенгур» изображение товарищей проливает свет на негативность этого понятия.³ Совсем не похожие на радостных и смелых товарищей Коллонтай и Горького, товарищи Платонова — немощные массы, у которых нет ничего, кроме друг друга. Это новоприбывшие в Чевенгур, деревню в степи, где был построен коммунизм. Платонов пишет: «У пришлых чевенгурцев никакой радости не было впереди, и они ее не ожидали, довольствуясь тем, чем живут все неимущие люди — взаимной жизнью с другими одинаковыми людьми, спутниками и товарищами своих пройденных дорог» (Платонов 1988: 453). Здесь товарищи — это исходная точка возможности, продолжающая существовать после упразднения всего остального, пережитки в руинах, негативное место начала. В романе Платонов не рассматривает товарищество как отношение между большевиками. Для него «товарищ» аналогичен «коммунизму» — оба слова принадлежат к зарождающемуся постреволюционному словарю разрыва, жажды, возможности и утраты. Нового мира еще нет, есть только новые слова, однако они едва ли вносят в смысл в происходящее, особенно для тех, кто проживает в степях в последние годы Гражданской войны. Изабель Гаро пишет: «В “Чевенгуре” коммунизм — имя несуществующего мира, который мог бы быть построен и который уже в руинах. Это скорее субъективная, чем объективная реальность, или даже принцип субъективации» (Garó 2017: 180). Товарищ — отношение, необходимое для построения этого мира, отношение данное в отсутствие собственности, национальности и узнаваемой идентичности, и как это отсутствие.

³ «Чевенгур» не публиковался на русском языке в качестве романа, прежде чем появился в сокращенном варианте в 1972 году. Более полная версия была издана в 1988 (Jameson 1994: 79).

Говоря конкретнее, предметом внимания Платонова становится товарищество «прочих», «других» — бродячих, не имеющих собственности, бесклассовых, постреволюционных, безродных людей. Сбившиеся в кучу на окраине города в поисках тепла, эти полуголые голодающие осиротевшие массы — беднейшие из бедных. Их единство телесно, это конгломерат из множественных интернациональных тел. Мария Чехонадских объясняет, что слово *прочие* использовалось в ранних советских документах при невозможности определить классовую принадлежность человека (2017: 139). *Прочие* — это отбросы, недоразумения, пережитки, чья пролетаризация затронула даже их классовую принадлежность. Бесклассовые *прочие* воплощают меланхолический момент революции.⁴ Классы растворились. Эксплуатации пришел конец. Но новое общество еще только предстоит построить. Присутствие оставшихся прочих подрывает логику идентичности: у них нет ни классовой принадлежности, ни даже национальности, «слишком большой труд и мучение жизни сделало их лица нерусскими» (Платонов 1988: 441). Один из большевиков-чевенгурцев видит в них проблеск революционного потенциала: «Это тебе класс первого сорта, ты его только вперед веди, он тебе и не пикнет. Это же интернациональные пролетарии: видишь, они не русские, не армяне, не татары, а — никто!» (Платонов 1988: 441). «Прочих» характеризует утрата, не-бытие хоть кем бы то ни было. Прочие не наделены различимой идентичностью русских — их лица всенародны, это лица кочевников и монголов.⁵ У них нет воинственности.⁶ Они не организованы, но в их товариществе остается место для некоего будущего. Их полное обнищание привело не к появлению атомизированных индивидов, замкнутых в своих корыстных интересах, но к товариществу как нулевому уровню отношения, необходимому для того, чтобы идти дальше. Коммунизм возможен только потому, что упразднение классов и собственности позволяет товарищам начать сначала.

Товарищество оставшихся прочих возникает из их нищеты. Платонов пишет:

⁴ См.: Магун 2008.

⁵ Мария Чехонадских подчеркивает, что Платонов занимает антиколониалистскую точку зрения, которая порывает с образом белого рабочего класса (из личных бесед).

⁶ Отсутствие боевого духа отличает платоновских «прочих» от движения «товарищей» в южноафриканском Натале конца 1980-х годов. В интервью эти молодые бойцы говорили о «мощном чувстве «неимения ничего»» (Sitas 1992: 634). Но, несмотря на это неимение — работы, образования, еды, выхода, — у них была воинственная культура сопротивления и чувство социальной солидарности.

прочие создали из себя самодельных людей неизвестного назначения; причем такое упражнение в терпении и во внутренних средствах тела сотворили в прочих ум, полный любопытства и сомнения, быстрое чувство, способное променять вечное блаженство на однородного товарища, потому что этот товарищ тоже не имел ни отца, ни имущества, но мог заставить забыть про то и другое, — и еще несли в себе прочие надежду, уверенную и удачную, но грустную, как утрата. Эта надежда имела свою точность в том, что если главное — сделаться живым и целым — удалось, то удастся все остальное и любое, хотя бы потребовалось довести весь мир до его последней могилы (Платонов 1988: 440–441).

Товарищество позволяет забыть даваемый миром статус: рождение, семью, имя, класс. В отсутствие этих отношений товарищи учатся солидарности, которая выше личного счастья. Маккензи Уорк, рассуждая о «Чевенгуре», пишет:

Товарищи — это те, с кем мы делим задачу всей жизни — укреплять ее невозможные отношения с непокорным миром. Все, что мы способны разделить, — одни и те же тяжкие усилия. Мы становимся товарищами только тогда, когда делаем это вместе (Wark 2015: 106).

В разделенной нищете тех, кто все терпит, есть надежда.

Есть любопытная противоположность между русским и немецким словом «товарищ». Немецкое *Genosse* связано с *geniessen*, наслаждаться. Оно ассоциируется с совместным использованием или наслаждением чем-либо, с общим отношением к собственности в смысле права пользования, usufrukta (Bartholmes 1970: 175). Русское *товарищ* происходит от *товара*, то есть вещи на продажу, предмета потребления. Противоположность между двумя этимологическими истоками в «Чевенгуре» налицо. Платонов противопоставляет собственность и товарищество. Приобретение собственности ведет к потере товарищества; люди начинают вкладывать силы в вещи, а не друг в друга. Платонов пишет: «когда между людьми находится имущество, то они спокойно тратят силы на заботу о том имуществе, а когда между людьми ничего нет, то они начинают не расставаться и хранить один другого от холода во сне» (Платонов 1988: 434). Товарищество проистекает из отсутствия собственности, а не из общего пользования или наслаждения ей. Как говорит один из персонажей романа: — «А я тебе говорю, что все мы товарищи лишь в одинаковой беде. А будет хлеб и имущество — никакого человека не появится!» (Платонов 1988: 340).

Однако противопоставление немецкой и русской этимологии слова «товарищ» может быть слишком поспешным. Платоновское

понимание *прочих* вводит собственность другого рода — коллективное обладание неимущих друг другом:

Быть может, они, эти пролетарии и прочие, служили друг для друга единственным имуществом и достоянием жизни, вот почему они так бережно глядели один на другого, плохо замечая Чевенгур и тщательно охраняя товарищей от мух, как буржуазия хранила собственные дома и скотину (Платонов 1988: 437).

У прочих нет ничего, кроме друг друга, но при этом они обладают чем-то таким, что требует защиты и заботы. Интимная осязаемость отпугивания мух дает нам товарищество обездоленных, в котором вещи (*товары*) наслаждаются (*geniessen*) друг другом; товарищи погружаются в коллективное наслаждение друг другом, коллективное пользование коллективом. Для коммунизма необходимо, чтобы товарищи радовались друг другу, не позволяя собственности занять свое место.

В «Чевенгуре» большевик Чепурный обеспокоен тем, что женщины могут поставить под угрозу сохранение советского Чевенгура. Поэтому он настаивает на товарище женщине, к которой мужчины будут относиться как к товарищу, а не как к объекту сексуального желания или носителю репродуктивной функции.

Чепурный готов был приветствовать в Чевенгуре всякую женщину, лицо которой омрачено грустью бедности и старостью труда, — тогда эта женщина пригодна лишь для товарищества и не составляет разницы внутри угнетенной массы, а стало быть, не привлекает разлагающей любознательности одиноких большевиков (Платонов 1988: 418).

Как и все остальные прочие, товарищи женщины бедны, измождены, печальны и испытывают нехватку. Они не отличаются от других — именно это и делает их товарищами.

Меланхолическое товарищество Платонова дает нам увидеть, как отсутствие идентичности, национальности, класса и собственности оформляется в политическое отношение. Товарищество «прочих» не означает воображаемой полноты счастья и благосостояния. Напротив, это минимальный уровень отношений, необходимый для надежды и терпения. Товарищество — это необходимое условие коммунизма: коллектив тех, кому хорошо друг с другом, не позволяет собственности занять место человека. Отрицание идентичности, национальности, класса и собственности производит нечто новое: особое пространство отношений, оказывающее свое собственное давление. Товарищ — это нулевой уровень для коммунизма.

Славой Жижек утверждает, что «нулевой уровень никогда не “дан”, он может быть воспринят только ретроактивно, в качестве предпосылки новой политической интервенции, установления нового порядка» (Žižek 2013: 967). В «Чевенгуре» это выглядит так, что *прочие* зачастую представлены с точки зрения Чепурного и его большевистской поспешности в построении коммунизма. Голос рассказчика намеренно сопротивляется локализации; это ни объективное описание фактов, ни субъективное восприятие отдельного персонажа.⁷ Описания «прочих» перетекают в изображения мыслей и желаний Чепурного, за которыми следуют его размышления. Например: «Чепурный почувствовал, что взамен степи, домов, пищи и одежды, которые приобрели для себя буржуи, пролетарии на кургане имели друг друга, потому что каждому человеку надо что-нибудь иметь» (Платонов 1988: 434). Люди на кургане еще не предстали для Чепурного как бесклассовые прочие; он видит в них пролетариев, силу, предвещающую будущее. Именно на фоне коммунистического будущего, уже строящегося в Чевенгуре, нищета оставшихся *прочих* утверждает себя как товарищество. С точки зрения коммунизма, опустошение — это не конец. Напротив, это раскрытие в направлении того, чего мы не могли уловить раньше. В данном примере это присутствие нечто, в момент, когда все потеряно, — товарищества. Товарищ — это нулевой уровень коммунизма, поскольку он обозначает отношение между теми, кто занимает одну сторону в борьбе за производство новых, свободных, справедливых и равных социальных отношений, отношений без эксплуатации. Их отношение политично, оно разделяет. В то же время оно интимно и переплетено с чувством отчаянной зависимости от другого в ситуации, когда все должны выстоять.

Большевизм как анти-расизм

Летом 1919 года по всей территории США вспыхнули массовые забастовки: всеобщая забастовка в Сиэтле наряду с забастовками работников сталелитейной и угольной промышленности, в которых участвовали сотни тысяч рабочих. Организованные анархистами взрывы сделали ситуацию еще более напряженной. Чернокожих солдат, только что вернувшихся с фронта, не встречали как героев. Вместо этого они столкнулись с дискриминацией, угнетением и насилием. Они не могли получить хорошую работу — только унижительную и грязную. Бунтующие белые нападали на чернокожих. Чернокожие отвечали тем же. На юге возросло количество линчеваний. Белые

⁷ См.: Подорога 1991.

южане доходили до сожжений людей на костре, штат Миссисипи санкционировал сожжение заживо чернокожего мужчины. Губернатор заявил о своем бессилии это остановить. Его якобы уверили в том, что «необходимые договоренности» были достигнуты, и толпа будет вести себя в соответствии с ними. Собралось три тысячи человек (Whitaker 2009: 47). Черная пресса — более двух сотен газет — призывала чернокожих людей защищать себя, противостоять закону Линча «холодной сталью и огнем», «железной волей и непреклонной убежденностью» (Whitaker 2009: 49). Заголовки белых газет восклицали: «Красные пытаются поднять черных на восстание». Обвиняя большевиков в хаосе, творившемся в США, популярные белые газеты убеждали своих читателей в том, что Россия финансировала черные издания с целью привести большевиков к власти в Америке. Увязывая борьбу чернокожих за освобождение с большевизмом, белая пресса выставила участвовавших в борьбе чернокожих предателями. Министерство Юстиции США стало рассматривать их как «потенциальных врагов государства» (Whitaker 2009: 50). Белые южане вывернули проблему наизнанку: дело не в том, что негры приведут к власти коммунистов, а в том, что коммунисты приведут к власти негров (Whitaker 2009: 50).

Именно в этой ситуации Сирил Бриггс смело объявил Советы союзниками в борьбе за черное освобождение, а анти-большевизм — расистской атакой на радикализм темнокожих. В сентябре 1918 года Бриггс, один из вест-индийских иммигрантов, сыгравших роль в Гарлемском Ренессансе, основал журнал *Crusader* (Solomon 1998: 6). Журнал был посвящен «расовому патриотизму», идее «Африки для африканцев». Вскоре после своего основания, *Crusader* начал печатать статьи, связывающие капитализм и колониализм, а также настаивающие на пролетарской идентичности, разделяемой черными и белыми рабочими (Solomon 1998: 7). Учитывая первичность «расы» для убеждений Бриггса, это была радикальная инновация. Бриггс соединял революционный социализм и черный национализм. В ходе кровавого «Красного лета» 1919 года Бриггс утверждал, что раса — это трудовой вопрос. Он не довольствовался воспроизведением посыла черной прессы, делавшей акцент на расовом измерении насилия, с которым столкнулись афроамериканцы. Он считал, что это насилие связано с рабочей борьбой. К концу года он связывал антикоммунизм с идеей белого превосходства. Бриггс писал:

То, что черные редакторы и карикатуристы ведутся на ложь о Советской России, которую производит белая капиталистическая пресса, тем более удивительно, если учитывать, что они же являются представителями расы, которую та же белая капиталистическая пресса оболгала еще более бессовестно (Briggs 2018a: 241).

Антикоммунизм как идеология белых капиталистических врагов был противопоставлен интересам чернокожих.

В период издания *Crusader*, Бриггс организовал Африканское Кровное Братство (АКБ) (*African Blood Brotherhood*). Таким образом он создал оригинальный синтез африканской идентичности и ленинского интернационализма (Solomon 1998: 13). Этот синтез частично основывался на бриггсовской идее первоначального африканского коммунизма, уничтоженного рабством и колониализмом. Бриггс считал, что коммунизм зародился в Африке, а не в Европе. Укорененный в прошлом, синтез Бриггса в то же время был ориентирован в будущее: единственным путем освобождения чернокожих представляло независимое социалистическое государство черных в рамках более широкого социалистического содружества. По мысли Бриггса, освобождение темнокожих зависело от социализма — к нему ведут интересы всех людей африканского происхождения. Африканская свобода невозможна в рамках капиталистической системы. Только антиимпериалистический союз с более масштабным рабочим классом, где черные рабочие будут вести за собой прогрессивных белых рабочих, может осуществить мечту о национальной независимости темнокожих. АКБ таким образом обнаруживало цель борьбы чернокожих за свободу в направленности на социалистическую трансформацию, которая противопоставлялась «ассимиляции буржуазным порядком». В этой перспективе темнокожие рабочие становились предводителями мультирасового рабочего класса, а не последователями собственной элиты (Solomon 1998: 16). Советский эксперимент был ресурсом, моделью, вдохновением и оплотом для борьбы чернокожих за освобождение.

В 1921 году Бриггс вступил в Рабочую Партию, одну из двух партий, которые впоследствии объединились в Коммунистическую Партию. При этом он продолжал работать в АКБ и издавать *Crusader*. Платформа Рабочей Партии включала идеи Бриггса о «роли рабства и террора Линча в национальном накоплении капитала» и «использовании расовых предрассудков для экстремальной эксплуатации чернокожих и разделения рабочего класса» (Soloman 1998: 20). Рабочая партия поставила перед собой задачу уничтожить расовые предрассудки и объединить черных и белых рабочих в союз революционных сил (Soloman 1998: 21). В *Crusader* Бриггс начал писать о вопросе «дружбы с белыми». Черные не раз были «горько обмануты» декларациями дружбы со стороны белых, которые на деле были мотивированы «личными выгодами или же попытками обуздания черного “радикализма”» (Briggs 2018b: 263). Так что у чернокожих рабочих были веские причины для скепсиса относительно объединения с белыми. Тем не менее, по мысли Бриггса, чернокожие рабочие должны понимать, что белые рабочие нуждаются в их помощи для достиже-

ния своих целей. Причем эта нужда может обернуться политическим выигрышем: «В белой расе есть расколы, которые, при их поощрении, могут принести нам выгоду» (Briggs 2018b: 264). Чернокожим рабочим не следует позволять пугающему белому оппортунизму препятствовать анализу, который может сыграть на пользу борьбы. Более того, черные и белые рабочие могут быть товарищами. Бриггс пишет:

Белые уже сражались бок о бок с черными, отстаивая общие интересы. Они отказывались принимать разделения среди своих и предавать темнокожих товарищей. Хотя белые работодатели и предлагали пойти на уступки своим рабочим в случае если те предадут чернокожих товарищей (Briggs 2018b: 263–64).

Бриггс предлагает жесткую проверку, которая позволит темнокожим рабочим определить, вступать ли им в союз с белыми: готов ли белый человек «видеть, как темнокожий защищается от агрессии с оружием в руках, вплоть до возможности убийства его (белых) людей при защите прав чернокожих?» (Briggs 2018b: 264).

К началу 1930-х годов коммунисты в США относились к этой проверке со всей серьезностью. Историк Марк Солонман приводит пример инструкций, которые давал организатор Коммунистической партии в 1932 году. Посещая собрание одной секции, он

сказал группе, что белые, искавшие поддержки чернокожих, всегда их предавали. Что должен каждый коммунист — так это быть готовым умереть, защищая права любого чернокожего. При этом речь не о чем-то из ряда вон выходящем или очень важном — всякое оскорбление, наносимое белым чернокожему, коих множество, — достаточная причина для того чтобы коммунист отреагировал, ударил обидчика по лицу, и ударил сильно. И если последний будет убит, то это нормально, потому что <...> без чернокожих мы не делаем революцию в США, а лишь толчем воду в ступе (Solomon 1998: 135).

Нулевой уровень товарищества чернокожих и белых — это готовность белого умереть. Желание построить классовое единство предполагает, что белые коммунисты должны доказать черным приверженность их освобождению — «правам негров», как говорит партийный организатор 1930-х годов — вплоть до принятия смерти. Любое послабление этой позиции будет означать солидарность с расизмом, линчеванием и законами Джима Кроу, в соответствии с которыми чернокожие не могут получить достойно оплачиваемую работу. Фактически белые коммунисты должны отказаться от своей

собственной белой кожи, забыть о своем расовом невежестве и привилегиях — все это необходимо для создания условий объединения рабочего класса. Успех белого рабочего класса не может быть достигнут за счет жизней чернокожих. Они могут выстоять только вместе.

Тезис о чёрном поясе

Практическая организационная жизнь КПСША в конце 1920-х и середине 1930-х была напряженной и конфликтной. Коминтерн осуществлял давление на Партию, тем самым реагируя на критику афроамериканских коммунистов, обвинявших белых товарищей в недостаточной включенности в организационную работу сообщества чернокожих. Это делалось для того, чтобы Партия искоренила в себе белый шовинизм и поставила «чёрный вопрос» во главу угла. В то же время существовали реальные угрозы, связанные с межрасовой организацией на Юге, где действовали законы Джима Кроу. Эти условия — классовая борьба в ситуации белого превосходства — проливают свет на товарищество как нулевой уровень коммунизма. Хорошей иллюстрацией может послужить скандальный тезис о чёрном поясе.

После нескольких лет дебатов Коминтерн и Коммунистическая Партия пришли к тому, что чернокожее население чёрного пояса США (южного региона, получившего свое название из-за плодородной темной почвы и по преимуществу состоящего из черных округов) представляет собой угнетенную нацию, обладающую правом на самоопределение. Я называю этот тезис «скандальным», потому что он часто подвергался критике как оторванный от реальности, догматический, смехотворный, невозможный и т. д. — хотя он и повторял националистические мотивы Всемирной Ассоциации по Улучшению Положения Негров Маркуса Гарви и был вновь поднят на щит афроамериканскими революционерами более тридцати лет спустя.⁸ Кроме того, этот тезис представляется скандальным на фоне приоритета, отдаваемого коммунистами классовой борьбе среди всех других конфликтов. Высказываясь против него в 1939 году, Сирил Джеймс утверждает, что

требовать собственного черного государства для негра означает требовать слишком многого с белых рабочих, особенно когда он сам не высказывает подобных требований. Лозунгов “аннулирования

⁸ Седрик Робинсон критикует этот тезис как оппортунистический и основанный на непоследовательном определении нации (Robinson 2000: 226). См. также Tomek (2012).

задолженностей”, “конфискации крупной собственности”, и т. д. — вполне достаточно для того, чтобы позволить им вместе сражаться и выступать за уничтожение социальной дискриминации на основе экономической борьбы (Trotsky 1940).

Разумеется, Джеймс не состоял в Коммунистической Партии. Его заявление было подготовлено для встречи с Троцким. Однако даже в Коммунистической Партии идее чернокожих как угнетенной нации оппонировали с самого начала. Противники настаивали на том, что это расовый, а не национальный вопрос.

В своих мемуарах «Черный большевик» Гарри Хэйвуд, главный идеолог тезиса о чёрном поясе, анализирует ключевые моменты этого спора. Первый вопрос заключался в том, что думать об афроамериканцах. Были ли они угнетенным расовым или же угнетенным национальным меньшинством? Приписывание им статуса «национального меньшинства» было связано с теорией нации, разработанной Сталиным. Хэйвуд приводит сталинское определение нации как

исторически сложившегося сообщества людей, основанного на четырех главных характеристиках: общей территории, общей экономической жизни, общем языке и общей психологии (национальном характере), выражающейся в общих чертах национальной культуры. С развитием империализма, освобождение наций становится вопросом, окончательное снятие которого возможно только посредством пролетарской резолюции (Наууд 1978: 157).

Уже в 1920 году Ленин предложил Коминтерну резолюцию, где утверждалось, что чернокожие люди США составляют угнетенную нацию (Наууд 1978: 219). В условиях империализма борьба угнетенных наций в действительности являлась революционной. Между национальной и пролетарской борьбой не было противоречия. Освобождение угнетенных наций, свержение империализма и построение социализма были взаимосвязаны.

После ряда дискуссий с друзьями и товарищами в Ленинской школе в Москве, Хэйвуд разработал исторический анализ, обосновывающий взгляд на чернокожих в США как на угнетенную нацию. В сжатом виде его нарратив выглядит следующим образом: история афроамериканцев начинается с рабства, продолжаясь Гражданской войной и предательством Реконструкции. Это предательство развязало «контрреволюционный террор, в том числе убийство тысяч чернокожих» (Наууд 1978: 231). Не получив земли, которая принадлежала бы им, будь плантации конфискованы и поделены, черные вновь оказались в положении, граничащим с рабством. Империализм, стадия капитализма, для которой характерны монополии, тре-

сты и финансовая олигархия, «заморозил» черных в их «безземельном, полурабском» положении, «перекрыл путь к смешению черных и белых в одну нацию на основе равенства и поставил на всем этом финальную печать особого угнетения чернокожих» (Haywood 1978: 231–32). Тем самым империализм и расовое угнетение создали на Юге условия, благодаря которым чернокожие по всей территории США стали подчиненной нацией. Хэйвуд пишет: «Это народ, отличающийся общим этническим происхождением, экономически взаимосвязанный в разных классах и объединенный общим историческим опытом, отраженным в особой культуре и психологическом портрете» (1978: 232). Их национальная территория — чёрный пояс, где они составляют большинство.

Те, кто считал афроамериканцев угнетенным расовым меньшинством, рассматривали всякое проявление черного национализма как реакционное, как отклонение от первостепенной борьбы за организацию черных в качестве рабочих. Они считали «чистую пролетарскую» классовую борьбу единственной революционной борьбой против капитализма» (Haywood 1978: 229). Хэйвуд показывает, что черные товарищи в КПСША были самыми яростными критиками идеи о черных как об угнетенном национальном меньшинстве. Не соглашаясь с тем, что чернокожих угнетают как нацию, Джеймс Форд указывал на отсутствие системного экономического разделения между белыми и черными. Их характеризуют только расовые различия цвета кожи. Отто Холл (брат Хэйвуда) отмечал, что классовые интересы раскололи черных, так что их нельзя уже было рассматривать в качестве единой нации, тем более что основной их целью была ассимиляция.

Вторая проблема политической тактики вытекала непосредственно из дискуссии о нации или расе. Хэйвуд утверждает, что упор на расовые предрассудки не только скрывает революционную природу борьбы за национальное освобождение (которую артикулировал уже Ленин), но также исключает возможность борьбы с белым шовинизмом внутри партии и среди белого рабочего класса. Хэйвуд особенно обеспокоен тем, что его чернокожие американские товарищи отделяют расизм «от его социально-экономических истоков, сводя борьбу за равенство к движению против предрассудков» (1978: 264). Делать упор на расу, а не на нацию означает «принижать революционный характер борьбы чернокожих за равенство» (Haywood 1978: 264). В контексте такой расстановки приоритетов нет необходимости в радикальных изменениях (земельной реформе и демократической власти на Юге). Итогом оказывается буржуазная ассимиляционистская борьба с предрассудками и попытка объединить черных и белых рабочих вместе. В отличие от этого линия самоопределения, как поясняет Хэйвуд,

устанавливала, что сама по себе борьба чернокожих за свободу являлась революционным движением, направленным против самых основ американского империализма, с его особым темпом и динамикой, которые стали следствием незавершенных демократической и земельной революций на Юге. Благодаря этому движение чернокожих за освобождение и классовая борьба американских рабочих встают на свои места как два аспекта сражения с общим врагом — капитализмом в США. Таким образом движение чернокожих возводится в статус равного в этой борьбе (Haywood 1978: 234).

В рамках данной стратегии Коммунистическая Партия больше не должна ошибочно подчинять борьбу чернокожих классовой борьбе. Вместо этого Партия должна просвещать белых рабочих относительно революционной роли борьбы чернокожих за освобождение. Как указывает статья в *Daily Worker*, «задача Коммунистической Партии США — мобилизовать и сплотить широкие массы белых рабочих для активного участия в этой борьбе» (Black Belt Thesis 2018: 383).⁹ Белые товарищи должны сделать борьбу черных своей собственной — меньшее стало бы предательством революции.

Возражая тем, кто считал самоопределение чернокожих в чёрном поясе формулой сепаратизма, Хэйвуд демонстрирует его объединяющую функцию. Классовое сознание белых рабочих — если они не посвящают себя полностью делу уничтожения расовой ненависти, Джима Кроу, линчеваний, предрассудков и «даже безразличия» к борьбе темнокожих, — может быть только расовым сознанием — белым шовинизмом (Black Belt Thesis 2018: 287). Расовые предрассудки внутри партии должны быть упразднены и уничтожены, их следует «искоренять с наивысшей интенсивностью» (Black Belt Thesis 2018: 286). Как отмечает Марк Соломан, линия самоопределе-

⁹ Конечно, мой призыв к повторному открытию Ленина как теоретика подчинения, не исчерпывается рассмотрением того, какой могла бы быть точка зрения обстоятельного лениниста на расу и гендер. Ему следует также тщательно обдумать недавнее развитие марксистских подходов к соприкосновению капиталистической эксплуатации с другими формами господства, которые, добавлю, зависят от нее. Однако, методологически, не является необходимым и часто вводит в заблуждение попытка начинать использовать феминистско-постколониальную и размытую марксистскую оптику для ретроактивного чтения Ленина, особенно когда она большей частью догматически отбрасывает всякое ленинистское наследие («Марксизм, отфильтрованный через ленинизм и социал-демократию выразил интересы ограниченного сектора мирового пролетариата, интересы белого, взрослого работника-мужчины» [Federici 2012: 97, курсив наш]). Такого рода упреждающий и предположительно критический шаг, напротив, неизбежно бьет мимо цели и лишь укрепляет ходячее идеологическое допущение, что сама идея «ленинистских исследований подчинения» — это противоречие в терминах.

ния указывала Партии на то, чтобы сражаться за право черных «свободно управлять политической и социальной жизнью своих сообществ»; в то же время она переопределяла «понятие сотрудничества между чернокожими и белыми на основе новых отношений власти между равными» (Soloman 1998: 86).

Тезис о чёрном поясе поместил чернокожего товарища в позицию «идеала-Я». Соломан пишет: «убежденный коммунист не мог избежать мучительного самоанализа» (Soloman 1998: 135). Товарищи должны были увидеть себя с новой точки зрения — не просто как равных по одну сторону классовой борьбы, но как равных в борьбе за национальное освобождение, равных, сражающихся против угнетения национального меньшинства. Заслужат ли их действия одобрения черного товарища? Его доверия? *Daily Worker* отмечал: «Каждый член Партии должен иметь в виду обиду и недоверие угнетенных, колонизированных и слабых масс в отношении наций-угнетателей и их пролетариата» (Black Belt Thesis 2018: 288). Партия занялась напряженной работой, направленной на противостояние белому шовинизму, — это была кампания, основанная на самокритике, культивировании чернокожих лидеров, публичных судов и изгнаний. Партия усиливала свою организационную и рекрутинговую стратегию среди афроамериканцев. Она вовлеклась в то, что Соломан называет «неистовством борьбы за равенство и освобождение чернокожих» (Solomon 1998: 87). Некоторые организаторы на Юге США «критиковали чистки белых с расовыми предрассудками» (Solomon 1998: 128). Партия, однако, заняла позицию, в соответствии с которой даже при политической изоляции Юга, любая уступка сегрегации «поддержит расизм и подорвет доверие чернокожих к белым радикалам» (Solomon 1998: 128).

Товарищ — родовая фигура политического отношения между теми, кто на одной стороне. Она характеризуется единообразием, равенством и солидарностью. Что это означает в условиях расового капитализма? Капитализма, укорененного в белом превосходстве? Это означает активное противостояние данным условиям наряду с их отвержением в пользу переустройства, основанного на равенстве и солидарности. Приверженность КП самоопределению чернокожих в чёрном поясе — пример такого рода товарищества. Это было утопическое, скандальное настаивание на том, что огромная территория Южных Соединенных Штатов принадлежит афроамериканцам. Потому что они создали ее, потому что она построена их трудом. Их исторический опыт заложников — в тюрьме, под гнетом плетей и порабощения, линчеваний и Джима Кроу — создал национальную психологию, которая выражается в коллективной жажде свободы. Лозунг чёрного пояса отказывается как подчинить этот опыт и эту жажду классовой борьбе, так и свести его к преодолению

дискриминации. Вся капиталистическая система Джима Кроу должна рухнуть.

Оставшиеся прочие Чевенгура, являющие собой безрасовое скопище, напоминают то, как Коммунистическая Партия требовала от белых рабочих полагать нулевой уровень принадлежности в рамках политической инвестиции в борьбу за освобождение чернокожих: раса не определяет, кто является товарищем. Это требование предписывает отказ от белого шовинизма, белых привилегий. В течение некоторого времени КП лихорадочно вкладывалась в этот процесс, иногда «доходя до фантастических обвинений» и порой утопая во внутривнутрипартийных махинациях. Кроме того, частые и повторяющиеся обвинения, суды и исключения вызвали ощущение, что расизм в Партии никогда не будет до конца истреблен (Solomon 1998: 144–145). Напряженная жажда справедливости и энтузиазм, который товарищи привнесли в борьбу за освобождение чернокожих, вдохновил критический импульс, обернувшийся против самого себя с яростью, обнажившей товарищество как невозможный идеал. Некоторые критикуют партию за ее неспособность искоренить расизм, «белый шовинизм», из своих рядов. Эта критика никогда не сможет достичь интенсивности той, которой Партия подвергла саму себя.

Сама интенсивность этой критики, однако, указывает на неустрашимую негативность «товарища». Будучи нулевым уровнем коммунизма, товарищество — это то, что у нас есть, когда больше ничего нет. Это уровень социальности, необходимый чтобы держаться, чтобы продолжать. Для КПСША приверженность защите жизни и земли чернокожих, имевшей в качестве своего предела самоуничтожение, была необходима, чтобы Партия оставалась партией для всех рабочих, то есть, коммунистической партией.

Заключение

Товарищество — славный идеал. Он вызывает, казалось бы, невозможную жажду равенства, солидарности, политической близости и доверия. Платонов изображает товарищей в безрадостных условиях разрыва, возможности, нужды и утраты. Это негативное описание одновременно умеряет радостное предвкушение товарищества и подчеркивает его необходимость: чтобы выстоять, нужны другие; в одиночку это невозможно. Можно принять такое прочтение Платонова, но не согласиться с его распространением на расовые дилеммы КПСША. Разве платоновские товарищи не лишены расы и нации, рода и класса? Каким образом утверждение нации можно совместить с этим взглядом? Я подчеркивала не то, что этих позиций

не существует, но что с помощью фигуры товарища можно бороться с позициями, данными миром, от них можно избавиться или даже их преодолеть. Товарищество отрицает эти позиции и тем самым конституирует нулевой уровень коммунизма. Для белых коммунистов это означает готовность умереть в борьбе за освобождение чернокожих, лишиться белых привилегий, истребить белое превосходство, даже если это влечет за собой уничтожение Партии. Это предполагает принятие необоснованной претензии на суверенное право чернокожих на землю, обрабатываемую афроамериканцами, — даже в отсутствие подобных претензий со стороны большинства афроамериканцев. Скандальность тезиса о чёрном поясе заключается в том, что он отвергает два базовых подхода к «вопросу о чернокожих» в Соединенных Штатах: иммиграцию или ассимиляцию. В конце XIX и начале XX века большинство политических организаций чернокожих делали упор на одну из двух альтернатив. Коммунисты предложили третий путь: национальное самоопределение, то есть, уступку прав США на территорию и белое превосходство в нескольких южных штатах. Чернокожие товарищи жили в условиях жестоких лишений, социальной смерти, Джима Кроу и закона Линча.¹⁰ Ставка товарищества — можно называть ее ставкой Бриггса — в том, что белые должны быть готовы пожертвовать своими жизнями в борьбе за освобождение чернокожих. В то же время заинтересованность самих чернокожих в коммунизме должна привести к тому, что все они станут товарищами. Товарищи — это нулевой уровень социальности, необходимый для коммунизма.

Перев. с англ. Георгия Копылова

Библиография

- Винокур, Григорий (1929). *Культура языка*. М.: Издательство «Федерация».
- Горький, Максим (1989). «Товарищ!». В кн.: Листикова, Наталья (сост.). *Русская литературная сказка*. М.: Советская Россия.
- Коллонтай, Александра (1918). *Семья и коммунистическое государство*. М., Петроград: Коммунист.
- Коллонтай, Александра (1919a). «Новая женщина». В кн.: *Новая мораль и рабочий класс*. М.: Издательство Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Р., К. и К. Депутатов.
- Коллонтай, Александра (1919b). «Отношение между полами и классовая борьба». В кн.: *Новая мораль и рабочий класс*. М.: Издательство Всероссийского

¹⁰ О черной социальной смерти см. Wilderson, Spatzek, and von Gleich (2016).

- Центрального Исполнительного Комитета Советов Р., К. и К. Депутатов.
- Магун, Артемий (2008). *Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта*. СПб.: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге.
- Платонов, Андрей (1988). «Чевенгур». В кн.: *Ювенильное море: Повести, роман*. М.: Современник.
- Bartholmes, Herbert (1970). *Bruder, Bürger, Freund, Genosse*. Gothenburg: Acta Universitatis Gothoburgensis.
- “Black Belt Thesis” (2018). In *Class Struggle and the Color Line*, ed. Paul M. Heideman, 283–90. Chicago: Haymarket Books.
- Briggs, Cyril V. (2018a). “Bolshevism and Race Prejudice.” In *Class Struggle and the Color Line*, ed. Paul M. Heideman, 241. Chicago: Haymarket Books.
- Briggs, Cyril V. (2018b). “The Acid Test of White Friendship.” In *Class Struggle and the Color Line*, ed. Paul M. Heideman, 263–64. Chicago: Haymarket Books.
- Chehonadskih, Maria (2017). “Soviet Epistemologies and the Materialist Ontology of Poor Life,” PhD Diss. Centre for Research in Modern European Philosophy, Kingston University, UK.
- Garo, Isabelle (2017). “Chevengur, the Country of Unreal Communism — The October Revolution Through the Dialectical Art of Andreï Platonov.” *Crisis and Critique* 4.2: 174–96.
- Haywood, Harry (1978). *Black Bolshevik: Autobiography of an Afro-American Communist*. Chicago: Liberator Press.
- Jameson, Fredric (1994). *The Seeds of Time*. New York: Columbia University Press.
- Platonov, Andrei (1978). *Chevengur*. Trans, Anthony Olcott. Ann Arbor, MI: Ardis Publishers.
- Podoroga, Valery (1991). “The Eunuch of the Soul.” *South Atlantic Quarterly* 90: 2: 357–407.
- Robinson, Cedric J. (2000). *Black Marxism*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.
- Sitas, Ari (1992). “The Making of the ‘Comrades’ Movement in Natal, 1985–1991.” 18. 3: 629–41.
- Solomon, Mark (1998). *The Cry Was Unity*. Jackson: University of Mississippi Press.
- Tomek, Beverly (2012). “The Communist International and the Dilemma of the American “Negro Problem”: Limitations of the Black Belt Self-Determination Thesis.” *WorkingUSA: The Journal of Labor and Society* 15: 549–76.
- Trotsky, Leon (1940). “On Black Nationalism: Documents on the Negro Struggle.” Marxist Internet Archive <https://www.marxists.org/archive/trotsky/works/1940/negro1.htm#sd>
- Wark, McKenzie (2015). *Molecular Red*. London: Verso.
- Whitaker, Robert (2009). *On the Laps of the Gods*. New York: Three Rivers Press.
- Wilderson, Frank Samira Spatzek, and Paula von Gleich (2016). “‘The Inside-Outside of Civil Society’: An Interview with Frank B. Wilderson, III.” *Black Studies Papers* 2.1: 4–22.
- Žižek Slavoj (2013). *Less Than Nothing*. London: Verso.